

Вера и спасение, по Шестову, становятся синонимами. Он живет уже в новое время, в котором не только религия, как во времена Лютера, но и философия становится «наукой о духе» и имеет непосредственное отношение к пониманию сущности спасения и к самой личности. И вот к этому «личному» повороту философии Шестов имеет самое прямое отношение. Философия для него (как философствование) превращается в личное дело человека: и уже не только религиозный человек, но и личность, обретшая свою философию, способна на самораскрытие (поворот). Однако и в этом случае поворот не дается без значительных внутренних усилий и напряжений. И если, по Лютеру, только вера пробуждала от сначки в разуме и в авторитетах (спасала человека), то, по Шестову, и трагедия приводит к тем же результатам. Если, по Лютеру, лишь религия становилась поворотным моментом для человека, то, по Шестову, к тому же может привести и философия (философия трагедии). Для него, мыслителя XX в., психология уже тесно соприкасается и с религией, и с философией. В таком понимании и «царство божие внутри нас», и «пещера», и «подполье» значат буквально одно и то же. Шестов, по существу, первый после Лютера проводит коррекцию лютеровского правила (Кьеркегор еще только был на подступах): к «только верую» он стремится добавить и «экзистенциальной активностью спасется человек». Ему открывается, что и тот, и другой пути ведут к раскрытию внутренних потенций человека: делами человек может спастись только во «внешнем мире» (внешнем рациональном измерении бытия), верой и экзистенциальной активностью – во внутреннем. Каким это ни покажется парадоксальным, но именно Шестов, третьим в мировой истории, после ап. Павла и Лютера, корректирует правило «открытости».

Сознание, но не Божественное, а человеческое (в философии и религии) является центром притяжения поисков Шестова. Таким образом, он, по существу, оказался одним из провозвестников и религии, и философии нового открытого типа, о которой спустя более полувека говорили Поппер, Хабермас, Рорти и др.

УДК 215

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО МИРА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА*

*А.С. Архангельская, А.А. Трофимов
Симферополь, Украина*

«... Вл. Соловьев чувствовал, что в его жилах билась кровь проповедника, публициста и поэта..., пророка... и вообще человека, предавшего изысканным духовным интересам. Быть профессором для него было просто скучно».

Лосев А. Ф.

Для данного опыта исследования мы предлагаем в качестве возможного подхода рассмотрение судьбы Владимира Соловьева как стиля его жизни и его творчества – как стиля его мышления. В свое время Л. Баткин, исследуя жизнь и творчество итальянских гуманистов, исходил из концепции взаимосвязи и взаимообусловленности стиля жизни и стиля мышления.

Что же до страннической (иногда ее называют просто «бездомной») жизни В. Соловьева, то, пожалуй, точнее всего ее обозначил Александр Блок в одном

из его эссе поэтической формулой «Рыцарь – монах». Рыцарство самой идеи «софийности», рыцарство его поэзии и его отношения к людям, которое можно обозначить, вслед за А. Гулыгой, «философией любви». Монах или монашество – отчасти в той высокой чистоте и одновременно наивности, с которой он реагировал на перипетии жизни, в том числе – столь недолгих испытаний его преподаванием в университетах – как Московском, так и Петербургском. Как известно, закончилась его преподавательская деятельность в 1881 г., после прочтения им публичной лекции, в которой он призывал судей помиловать убийцу Александра II. Как писал об этом поступке А. Лосев, он был продиктован «наивным, искренним и вполне честным его убеждением в необходимости ХРИСТИАНСКОГО ВСЕПРОЩЕНИЯ».

Необходимо отметить обостряющийся в последнее время исследовательский интерес к феномену так называемого «биографизма» или глубинной герменевтики в работах одесской школы и ростовских коллег (в том числе С. А. Титаренко). В какой-то мере это и есть продолжение и углубление тенденции к более глубокому интровертному проникновению в процессы становления аксиологических этапов и формирования личности и стиля философствования. Этот психологизм и биографизм вовсе не оказываются лишними и при наших попытках открыть те страницы «Книги судеб» Владимира Соловьева, которые ранее были или скрыты или оставались в тени. И светский и религиозный миры при всей контрастности и противоречивости картин их соотнесения имеют каждый свою ритуальность и в этических и особенно в эстетических аспектах. Религиозный мир Владимира Соловьева, который в своем «Оправдании Добра» предлагает картезианскую формулу «Cogito ergo sum», заменив формулой «Стыжусь, значит, я человек» («Бремя стыда». Б. Пастернак). Таким образом, исходную идею Декарта о самоочевидности мышления Вл. Соловьев считал необходимым заменить самоочевидностью переживания: «Я стыжусь, значит, я существую».

А светский мир В. Соловьева обогащен многоцветием красок его эссе «Красота Природы» и темой вечной женственности во всей его философской лирике.

УДК 215

ХРИСТИАНСТВО: БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ. ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

*Р.А. Евтушенко, В.И. Пронякин
Днепропетровск, Украина*

В свое время К.Г. Юнг высказал мысль о том, что едва ли не единственным средством выживания христианства в условиях современного секулярного (цивилизационного) социума является символизация предмета религиозной веры. Вера в символ, полагал швейцарский мыслитель, дает человеку уверенность и силу в противостоянии чудовищу, которым является «мир в его целом», чтобы не быть раздавленным им. Хотя символ, с точки зрения реальной действительности и обманчив, однако психологически он – истина, «ибо всегда был мостом, ведущим ко всем величайшим достижениям человеческого духа». Рассуждая подобным образом, Юнг заключал, что веру следует замснить понимани-